

УДК 821.161.1

К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ АНДРЕЕВА И СОЛОГУБА

© 2013 Г.Н. Боева

Невский институт языка и культуры

Поступила в редакцию 30.08.2013

Аннотация: Статья представляет собой исследование творческих взаимосвязей двух больших писателей рубежа XIX–XX веков – Леонида Андреева и Федора Сологуба. Взаимосвязи анализируются в их обусловленности динамикой литературного процесса, вскрывается их подоплека – литературно-издательская, общественно-политическая, собственно эстетическая. Автор подробно останавливается на двух аспектах заявленной темы: биографическом и рецептивном.

Ключевые слова: Леонид Андреев, Федор Сологуб, творческие взаимосвязи, издательский проект, рецепция, культурная парадигма, модернизм.

Summary: The article represents a research of artistic interconnections between the two prominent writers of the late nineteenth and early twentieth centuries—Leonid Andreev and Fedor Sologub. The interconnections are analyzed in their dependence on the dynamics of literary process. Their underlying causes, revealed in the article, are literary, publication-related, socio-political, and aesthetic. The author considers two aspects of the above topic in a greater detail, namely, biographical and receptive.

Key words: Leonid Andreev, Fedor Sologub, artistic interconnections, publication project, reception, cultural paradigm, modernism.

Творческие взаимосвязи Ф. Сологуба и Л. Андреева многообразны и разноаспектны, в задачи же настоящей статьи входит лишь постановка вопроса о некоторых возможных путях их исследования.

Сологуб и Андреев часто сближались в восприятии современников: они не раз оказывались «через запятую» в критических анализах самого разного характера – от марксистского [1, 53; 2, 233; 3, 166; 4, 240] до психологического [5, 316; 6, 3], от богословского [7] до символистского (например, в рецепции Д. Философым Андреева как «бесстилья» и Сологуба как «дурновкусия» [8]). Часто эти сближения происходили в «критических параллелях» – жанре, крайне популярном на рубеже веков [9, 648–649]. «Пары» избирались по сходству, контрасту, общей проблематике, а зачастую по нескольким основаниям сразу, и к этому времени Сологуб и Андреев стали объектом сопоставления таких различных по своим эстетическим и мировоззренческим позициям критиков, как М. Волошин, Л. Гуревич, Р. Иванов-Разумник, В. Полонский, В. Воровский [10; 11; 12; 13; 14].

Важный аспект творческих взаимосвязей Андреева и Сологуба касается публичных отзывов последнего – неизменно благожелательных –

о произведениях своего младшего литературного собрата. Вступление Сологуба в литературу произошло в 80-е годы, на полтора десятка лет раньше, чем у Андреева, и не принесло автору скорого признания – в своей славе оба писателя «совпали» лишь к началу века, после стремительного восхождения Андреева в 1901–1902 годах. Можно утверждать, что «знакомость» двух этих имен для отечественного читателя стала особенно ощутимой к 1907 году, когда известность Сологуба в узких модернистских кругах после выхода в свет отдельной книжкой (1907), а затем и переиздания (1908) романа «Мелкий бес» превращается во все-российскую славу, а Андреев находится на пике своей популярности.

Несмотря на разные литературные круги, к которым принадлежали писатели (символистские – «знаньевские»), Сологуб не раз высказывался в поддержку произведений Андреева, защищая его от несправедливых нападок. Так, Сологуб взял под защиту один из скандально знаменитых андреевских рассказов, «В тумане» (1903), вызвавший, как чуть раньше «Бездна» (1901), шквал газетно-журнальной полемики. Шквал этот был во многом порожден письмом графини С.А. Толстой, обвинившей Андреева в аморальности.

Обращая свой «голос из публики» именно к графине Толстой, Сологуб проясняет прямую,

© Г.Н. Боева, 2013

преемственную связь «литературных излишеств» Андреева и творчества ее супруга: «... Для внимательного читателя очевидно, что писатель Леонид Андреев — прямой потомок писателя графа Льва Толстого. Преемственность несомненная — от Льва Толстого к Антону Чехову, от Чехова к Максиму Горькому, от Горького к Леониду Андрееву. <...> Манера почти одна у всех четырех: о чем бы ни говорилось, что бы ни изображалось, — постоянно рядом с читателем идет, как бы подталкивая его, чтобы он не сбился с дороги, заботливый автор, и маленькими, но прелестными инсинуациями внушает ему неотразимо убедительно все, что хочет. И открывается мир, не совсем верный действительности, но обаятельно-живой. И злое развивается в нем чародейство: великое кажется малым, святое — призрачным, а ничтожное, пошлое, порочное принимает внушительные размеры и значительность. Все переоценивается, передвигается на другое место» [15].

Интересно, что на «генеалогическое открытие» Сологуба последовал немедленный отклик из стана критиков, недружественных по отношению к новому искусству, прежде всего, — статья под названием «Правнук Льва Толстого» [16]. Заметка примечательна тем, что ее анонимный автор, рассуждая о «психологии этой генеалогии», усматривает в ней желание Сологуба продемонстрировать одновременно и свою собственную причастность к Андрееву, его «родному брату», и «генетическую связь» их обоих с толстовской, классической традицией. В защитном жесте Сологуба автор видит знамение времени: творцы «нового искусства», еще недавно отрешившиеся от прошлого отечественной литературы, теперь, возводя к ней свою генеалогию, легитимизируются, «укореняются». Однако, как нами уже было отмечено, такое сближение двух писателей в критической оценке было довольно обычным явлением.

Осознавали родство своих художественных стратегий и сами герои нашей статьи, о чем свидетельствуют их собственные признания в письмах, адресованных друг другу и третьим лицам. Различное отношение к творчеству Сологуба стало причиной разлада Андреева с Горьким в 1907 году, когда последний не захотел расширить «кадровую» платформу «Знания» за счет привлечения к нему модернистов Сологуба, Блока, Ауслендера — предложенных Андреевым писателей, которые, по его мнению, «сейчас наиболее хорошо служат литературе мысли» (письмо к Горькому от 13 августа 1907 года) [17, 292]. Именно вследствие этого разрыва со «Знанием» Андреев и перешел в издательство «Шиповник», где стал не только автором и «соседом» по альманахам с тем же Сологубом, но и одним из редакторов. Даже

если предположить, что позиция, занятая Андреевым, была в какой-то степени продиктована конъюнктурно-издательскими соображениями, в его восприятии модернистов как мейнстрима современности ощущается и собственная открытость новому.

В свете этого странным кажется тот факт, что весной следующего года Андреев, уже будучи соредактором «Шиповника», выступает против публикации в альманахе продолжения «Навьи чар», прокомментировав свое решение в письме Горькому от 21-23 марта так: «не товарищи они мои. <...> И не люблю из них я никого, за исключением разве Блока») [18, 307] — об этом также сообщалось и в прессе [19; 20; 21]. Заметим, что роман «Навьи чары», тем не менее, был напечатан в «Шиповнике» полностью — после устранения Андреева от редакторства.

Позиция Андреева выглядит крайне противоречивой и непоследовательной, потому что в конце этого же года он пишет Сологубу об их «единении» при «разности» (письмо от 11 октября 1908 года): «Много на свете печальных недоразумений, иногда проходящих через всю жизнь, и одним из таких недоразумений я считаю для себя то, что до сих пор, несмотря на знакомство и полную внешнюю возможность, мы ни разу не беседовали друг с другом. Наши встречи на народе, с полуофициальными любезностями и короткими <ми> <далее — пропуск одного или двух слов из-за порчи оригинала. — Г.Б.> <и прит>ом малозначащими фразами, — нечто в высокой степени грустное. Много раз, еще в Петербурге, хотелось мне прийти к Вам в неурочный час и хорошо поговорить — но либо люди помешают, либо сам себя остепеню: “а он-то хочет ли твоей беседы?”».

Вот и сейчас: сижу я в ненарушимой тишине финляндского вечера и думаю — а хорошо бы потолковать с “ним”. Что за беда в том, что мы с “ним” разное смотрим на жизнь — в нашей разности больше, пожалуй, единения, чем во внешней согласности с приятелями и единомышленниками. Да, наконец, пусть не будет никакого единения, — мне (говорю только о себе) просто интересно и важно узнать у “него”, почему он смотрит так, почему он думает так, почему он видит в жизни то, чего я не вижу, и не видит в жизни того, что так ясно вижу я?

Не знаю, наивность ли это, но мне всегда странно видеть людей, <ото>рые одинаково искренне и серьезно заняты вопросом о жизни — и почему-то не совещаются о ней. Совещаться надо, совещаться — ведь есть же какие-то “советы генеральной обороны”. Стремительно, спиной, точно на задней площадке последнего вагона, несемся мы к смерти — и нелепо спорим из-за мест и багажа, когда через минуту вся эта история

кувыркнется к черту. Нужно же поговорить, прежде чем кувыркнуться» [22].

Письмо это начинается с выражения благодарности за присланную Сологубом (с дарственной надписью) книгу, которая высоко оценена адресатом — опасаясь сделать неточное предположение, какую именно, но, поскольку Андреев пишет об «очаровательной форме стиха», то, скорее всего, речь идет о подношении стихотворного сборника (возможно, о вышедших в 1908 году сборнике «Пламенный круг», куда входило, кстати, стихотворение «Мы — плененные звери...» (1905), близкое по бытийной метафоре к рассказу Андреева «Проклятие зверя» (1908) (издательство «Золотое руно»), или книге переводов Поля Верлена (издательство «Факелы»)).

Сологуб отвечает Андрееву теплым письмом (от 23 октября 1908 года) — трудно сказать, в какой пропорции сочетающим искренность и этикетность, если учесть, что оно писалось соредктору альманаха, в котором в ближайшие три года выйдет 12-томное собрание сочинений автора письма: «Так утешительно чувствовать время от времени, как протягиваются тонкие и нежные нити сочувствия, понимания. В письме очень трудно сказать все, что хочется иногда сказать, — а и мне не раз хотелось прийти и говорить с Вами. Разделяет людей, — и нас с Вами, может быть, — иногда многое, больше внешнее, — вот как Вы пишете, — как я пойду? не помешать бы? да захочет ли он? Но изо всех современных писателей Вы, может быть, тот, с кем наиболее интересно было бы мне поговорить, и много раз, и о многом: так много есть общих точек, но и так много расхождений во всем» [23].

Несмотря на этот обмен письмами с заверениями в добрых чувствах, в 1913 году, формулируя свою эстетическую позицию в письме к А.В. Амфитеатрову (от 14 октября), Андреев упоминает о глубокой враждебности ему Сологуба и Брюсова — «но не тем, что они “мистики” и “символисты” или “реалисты”. Враждебны они тем, что не любят в жизни “любимое мною”, любят то, чего я не выношу или не люблю» [24, 540].

Все это письмо к Амфитеатрову — пространная «теоретическая исповедь», как определил адресат, оценив ее искренность, но посетовав в письме к Горькому на «двойственность», «неопределенность» и даже «первобытность» андреевской эстетической декларации [25, 542]. Пожалуй, противоречия позиции Андреева тут действительно имеют место.

В годы первой мировой войны, во многом вследствие общности социально-политических интересов, происходит сближение двух писателей, и Андреев открыто признается в письме

к Сологубу и Чеботаревской (от 28 июля 1915 года) в том, что «за этот год» они «стали самыми близкими людьми» [26].

В эти годы Андреева и Сологуба объединяет уже не только литературная корпоративность и издательское сотрудничество, но и совместное участие в общественно-политическом проекте «Русское общество изучения еврейской жизни», имевшем также и издательскую составляющую (сборник «Щит» (1915)). В конфликтной истории с третьейским судом вследствие ссоры Сологуба с секретарем Общества В.С. Познером Андреев, более прочих в комитете расположенный к Сологубу, принял его сторону и не только инициировал внеочередное заседание для разьяснения конфликта, но и объявил о своем намерении выйти из комитета в знак протеста [27, 83; 28; 29].

Любопытно сравнить мотивы, приведшие обоих художников к обострившемуся в годы первой мировой «еврейскому вопросу». Публично объясняя через газету свою роль в конфликте и причины выхода из Общества, Сологуб пишет: «К угнетению народа я не могу остаться равнодушным, как художник и поэт (курсив мой. — Г. Б.)» [30]. Позиционируя себя подобным образом — «как художник и поэт», Сологуб подчеркивает тем самым, что его активность в этом деле имеет отношение не к гражданской позиции, а собственно к творчеству. Ведь писательская стратегия Сологуба предполагает символистскую двухмерность: и уход в мир мечты, и воссоздание мира зримого, явленного, с его социальными пороками и проблемами. Тема противостояния мешанской среде, затхлому провинциальному быту, «передоновшине» имеет для него особое, личностно-экзистенциальное значение, поскольку замешана на биографии. Художническая установка Андреева также подразумевает противостояние социальному злу, хотя и как частному случаю несовершенства мира, однако борьба с этим злом, при всей заведомой обреченности, воспринимается им как дело крайней важности. Таким образом, «еврейский вопрос» оказался тем «фокусом», в котором соединились, при разности их писательских стратегий, публицистический пафос Андреева, сформировавшийся еще в журналистской молодости и поддержанный его универсалистской художественной философией, и «двухмерность» Сологуба (добавим: и «одномерность» Горького, третьего соорганизатора).

Однако вовлеченность в «еврейский вопрос» была не единственным проявлением общественной активности двух писателей в годы первой мировой — она также выражалась в их статьях, интервью, стихах и прозе о войне. Вернувшись в эти годы к активной журналистской и публицистической деятельности, Андреев

прямо декларировал необходимость обращения к военной теме, призывал не уклоняться от «грозных запросов» современности, «очиститься в огне войны», не потакать «кафешантанному вкусу толпы». В одном из интервью на тему войны он уточняет свою позицию: «Я говорю о лирической поэзии, о “Марсельезе” в широком смысле, о поэтическом и художественном отображении текущих мгновений, неповторимых и полных глубокого смысла, Для этого нет необходимости лично быть на войне. Художник изображает не явления, а их душу, их тайный смысл, а действительность — только его материал» [31].

И далее, возражая журналисту, который говорит об отсутствии в современной русской литературе художественно значительных произведений, посвященных войне, Андреев называет стихи Сологуба и Блока.

В 1914 году Сологуб вместе с Чеботаревской начинает издавать журнал «Дневники писателей», ориентирующийся преимущественно на символистский «ближний круг», однако уже в 1 номере была помещена выдержка из письма Андреева, обращенного к издателю с выражением дружеской солидарности и готовности участвовать в новом деле:

«Конечно, я с удовольствием приму участие в журнале “Д.П.” и вообще очень рад, что такой журнал возникает. Не решаюсь предсказывать, какова будет его судьба: русская жизнь полна неожиданностей и крайнее благо почти всегда стоит на границе с крайним злом. Только наше роковое безгласие делает NN красноречивыми, и серо-будничного, постного N превращает в известного критика, а самое “критику” русскую претворяет в своеобразное палачество. И нельзя же делать правилом, чтобы только из посмертной переписки писателей узнавали о них правду, а при жизни питались ложью; и эти “пересмотры дела” на могиле обвиненного одна из досаднейших черт. Многое и другое можно сказать за “Дневник писателей”, но оставляю это до встречи и беседы с Вами» [32].

После этого анонса Андрееву не удалось стать автором «Дневников писателей», поскольку в свет вышло только четыре номера журнала. Однако два года спустя писатели поменялись местами: теперь уже Андреев приглашает Сологуба к сотрудничеству в издательском проекте. Речь идет о газете «Русская воля», в которой Андреев в 1916 году возглавил отделы беллетристики, критики и театра. И Сологуб был в числе тех, кто не отказался сотрудничать с газетой: в письме Андрееву от 5 ноября 1916 года он выражает желание занять в газете «не случайное», а «некоторое определенное положение» [33, 184].

Творческие взаимосвязи Сологуба и Андреева слишком обширны для формата одной статьи. Коротко обозначим еще некоторые «созвучия», требующие осмысления: демократическое происхождение обоих писателей, неоднозначно интерпретируемое современниками их положение в современном литературном процессе, трепетные взаимосвязи с читателем и критиками (обильная переписка, педантичная фиксация рецензий и пр.), жизнетворчество, собственно стилевое новаторство (прежде всего — в новеллистике) [34]. Так, обращает на себя внимание «синхронная» разработка некоторых тем и сюжетов двумя писателями: например, варьирование в их творчестве сюжетов об Иуде и «вочеловечивании» («Иуда Искарот и другие» (1907), «Анатэма» (1909), «Правила добра» (1912), «Дневник Сатаны» (1921) Андреева — и «Благополучный Иуда» (1910), «Невеста Иуды» (1918) Сологуба).

Еще одной областью творческих взаимосвязей Сологуба и Андреева стала их новаторская деятельность в театре, причем деятельность не только теоретическая, но и подкрепленная собственной драматургической практикой — однако этот вопрос требует отдельного рассмотрения, как и рецепция «панпсихических» пьес Андреева Сологубом.

Намеченные нами творческие взаимосвязи двух писателей диктовались динамикой живого литературного процесса и в разные годы имели различную подоплеку: литературно-издательскую, общественно-политическую, наконец, собственно эстетическую. Выявленные нами взаимосвязи дают материал к размышлению о типологическом родстве новаторских по отношению к культурной традиции поисков двух писателей, о принадлежности их творчества к единому художественно-смысловому полю эпохи. Не вызывает сомнения чуткость обоих писателей к ритму культурно-исторического процесса, позволившая им отразить в художественном творчестве, публицистике и критике новые запросы времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Стеклов Ю. Социально-политические условия распада / Ю. Стеклов // Литературный распад: критический сборник. — СПб. : Зерно, 1908. — С. 5-57.
2. Морозов М. Перед лицом смерти / М. Морозов // Там же. — С. 231-286.
3. Стеклов Ю. О творчестве Федора Сологуба / Ю. Стеклов // Литературный распад: критический сборник. — Кн. 2. — СПб. : Книгоиздательство «EOS», 1909. — С. 165-216.
4. Шулятиков В. Неаристократический аристократизм / В. Шулятиков // Там же. — С. 231-255.
5. Измайлов А. Литературный Олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы / А. Измайлов. — М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. — 472 с.

6. Измайлов А. Литературные беседы. Клиническая литература. — «Проклятие зверя» Леонида Андреева / А. Измайлов // Русское слово. — 1908. — № 40. — 17 февр. — С. 3.
7. Слуцкий М. Смысл жизни человека по произведениям Андреева, Сологуба, Горького, Метерлинка и решение его в христианстве / М. Слуцкий. — Харьков: тип. М.Г. Ковалева, 1910. — 41 с.
8. Философов Д. В. Без стилиа / Д.В. Философов // Московский еженедельник. — 1908. — № 12. — С. 36-48.
9. Михайлова М.В. Литературная критика: эволюция жанровых форм / М.В. Михайлова // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — С. 620-704.
10. Волошин М. Леонид Андреев и Федор Сологуб / М. Волошин // Русь. — 1907. — № 340. — 19 дек. — С. 3-4.
11. Гуревич Л. Оторванные души: О Леониде Андрееве и Федоре Сологубе / Л. Гуревич // Правда жизни. — 1908. — № 2. — 8 дек. — С. 3.
12. Иванов-Разумник Р.В. О смысле жизни. Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов / Р.В. Иванов-Разумник. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1908. — 312 с.
13. Орловский П. [В.В. Воровский]. В ночь после битвы. Л. Андреев и Ф. Сологуб / П. Орловский [В.В. Воровский] // О веяниях времени. — СПб.: Книгоизд-во «Посев», 1908. — С. 3-17.
14. Полонский В. О Леониде Андрееве и Федоре Сологубе / В. Полонский // Вестник знания. — 1909. — № 2. — С. 112-120.
15. Сологуб Ф. «В тумане» (Голоса из публики) / Ф. Сологуб // Новости и биржевая газета. — СПб., 1903. — № 45. — 14 февр. (1-е изд.). — С. 2.
16. [Б.п.]. Правнук Льва Толстого / [Б.п.] // Новости дня. — 1903. — № 7074. — 16 февр. — С. 3.
17. Переписка Горького и Андреева (1899-1916) / Комментарии В.Н. Чувакова // Литературное наследство: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. Т. 72. — М.: Изд-во «Наука», 1965. — С. 61-360.
18. Там же. — С. 307.
19. [Б.п.]. Разные известия / [Б.п.] // В мире искусств. — 1908. — № 8-10. — С. 52.
20. [Б.п.] // Сцена и жизнь. — СПб., 1908. — 20 февр.
21. [Б.п.] // Вечер. — СПб., 1908. — № 62. — 3 авг. — С. 3.
22. ИРЛИ. Ф. 9. Оп. 3. № 20.
23. РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 1-1 об.
24. Из писем, автобиографий и интервью Андреева / Публикация А.И. Наумовой // Литературное наследство: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. — Т. 72. — М.: Наука, 1965. — С. 486-556.
25. Там же. — С. 542.
26. ИРЛИ. Ф. 9. Оп. 3. № 20.
27. Переписка Л. Андреева и Е.Н. Чирикова. Вступительная статья, публикация и комментарии В.Н. Чувакова // Леонид Андреев: Материалы и исследования. — М.: Наследие, 2000. — С. 32-86.
28. Соболев А.Л. Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» / А.Л. Соболев // Donum homini universalis: сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева. — М.: ОГИ, 2011. — С. 327-358.
29. Боева Г.Н. Сологуб, Андреев и Горький в третьей суде: об одном эпизоде из истории создания Русского общества изучения еврейской жизни / Г.Н. Боева // Научные труды по иудаике: Мат. XX Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2013 (в печати).
30. Письмо Ф. Сологуба в редакцию «Биржевых ведомостей» / Ф. Сологуб // Биржевые ведомости. — 1916. — № 15505. — 18 апреля. — Утр. вып. — С. 6.
31. М. 3. Литература и война (Беседа с Леонидом Андреевым) / М. 3. // Утро России. — 1915. — № 289. — 21 окт. — С. 5.
32. Из письма Леонида Андреева / Л. Андреев // Дневники писателей. — № 1 (март). — С. 45-46.
33. Цит. по: «Русская воля», банки и буржуазная литература / Публикация Ю. Оксмана // Литературное наследство. — М.: Журнально-газетное объединение, 1932. — Т. 2. — С. 165-186.
34. См. об этом: Нильссон Н. О. Русский импрессионизм: стиль «короткой строки» / Н.О. Нильссон // Русская новелла: Проблемы теории и истории: Сб. статей. / Под ред. В.М. Марковича, В. Шмида. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. С. 220-234.

Боева Галина Николаевна, г. Санкт-Петербург, Невский институт языка и культуры, кафедра культурологии и общегуманитарных дисциплин, заведующий кафедрой, доцент

Boeva G.N. — St. Peterburg, Nevsky Institute of Language and Culture, PhD, head of the department of cultural science and all-humanitarian disciplines, associate professor